

Логическая игра, или Вслед за Льюисом Кэрроллом

О книге М. Харитоновой «Учитель Вранья»

Л.Я. ЗИМАН,

кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Неисповедимы пути литературных произведений к читательской аудитории. Написанного Даниелем Дефо для взрослых «Робинзон Крузо» Жан-Жак Руссо рекомендовал дать Эмилю, едва он научится читать по букварю. И на сегодняшний день эту книгу (правда, в адаптации) читают чуть ли не все дети. «Узурпировали» дети для себя две первые книги одного из самых трудных, самых зашифрованных и таящих многочисленных загадки произведений мировой литературы — «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта. А сказочную повесть «Алиса в стране чудес», подаренную профессором математики Льюисом Кэрроллом десятилетней девочке, «присвоили» себе взрослые, самые высоколобые взрослые. По сей день встречаешь многих фанатов Кэрролла, в первую очередь среди математиков и физиков.

Но что любопытно: сама поэтика кэрролловской повести с ее сюрреалистическими деталями, абсурдистскими построениями, лингвистическими играми оказала и продолжает оказывать огромное влияние на развитие именно детской литературы. И современница Кэрролла — детская поэтесса и сказочница Кристина Россетти, и его соотечественники, жившие в конце XIX и в XX вв., такие, как Эмиль Виктор Рью, Спайк Миллигани др., и русские детские

поэты XX–XXI вв. — Даниил Хармс, Борис Заходер, Генрих Сапгир, Андрей Усачев, — ученики и наследники Льюиса Кэрролла.

Обо всем этом думаешь, когда знакомишься со сказкой первого нашего лауреата Букеровской премии (1992) Марка Харитоновой «Учитель Вранья» (М.: Махаон, 2014. 224 с.). Автор очень сложных по содержанию и поэтике повестей и романов для взрослых — очень продвинутых взрослых читателей — обратился вдруг к детям младшего школьного возраста. Наверное, не очень вдруг: Марк Харитонов, выпускник пединститута, начинал жизненный путь как учитель.

Главные герои сказки, поселившиеся в дачном поселке, в Предпоследнем переулке, почти шестилетняя Таська и старший брат ее Тим, уже перешедший во второй класс, на 2-й Первоапрельской улице, в доме без номера за синим забором, берут у учителя Антона Петровича уроки вранья. Впрочем, когда Таська уверяет брата, что врать умеет, и начинает демонстрировать свое мастерство, Тим утверждает, что это называется не врать, а фантазировать.

На протяжении всей сказочной повести мы встречаемся с различными синонимами к слову *врать*: *заливать* (этим, естественно, занимаются пожарники), *отливать пули*

(это уже ремесло оружейников), *сочинять* (этот глагол употребляет «воспитанный человек» — автор). Но конечно же *фантазировать* — самый точный из всех синонимов.

Льюис Кэрролл в своих повестях доказал, что сознание и подсознание ребенка (действие в «Алисе в стране чудес», как известно, происходит во сне девочки) не только не уступает сознанию и подсознанию взрослого — оно подвижнее, разнообразнее. И Марк Харитонов показывает, насколько причудливы сны маленьких героев, как изобретательны ролевые игры, которые разыгрывает Таська со своими зайцем и мишкой. А когда она демонстрирует свои способности к вранью (фантазированию), мы сталкиваемся с поистине удивительными, если не абсурдными опровержениями ее фантазий Таськиными сверстниками. Их не удивляет, что она в специальном автомобильчике ездил перед широким — в два километра — киноэкраном, чтобы смотреть только самое интересное. Что самое интересное, не угадаешь, заявляет один из ее сверстников. А другой не верит Таське, что она плавала в сильном дожде. «Ты плавать не умеешь», — говорит он.

Фантазии Таськи — источник «подлинных» изобретений. Например, она решила никогда не стричь волосы, но, чтобы они «не волочились по земле, как шлейф королевского платья», Таська «придумала подвязывать вместо бантиков воздушные шары — пусть плывут сзади в воздухе».

Изобретателем становится и ее старший брат. Тим собирает пух одуванчиков, чтобы делать из него пряжу и ткать полотно: ведь он почти как хлопок. Придумывает, как издавать ультразвук (его не слышно, но сам чувствуешь, что пиццишь). Но зачем ему ультразвук? Чтобы объясняться с летучими мышами и дельфинами. А мохнатую гусеницу он решает «как следует откормить», чтобы потом стричь шерсть. Придумал он и настоящий пружинный мотор из деталей от сломанного будильника (правда, пока еще не смастерил). И складную лодку из непромокаемого материала (но материал этот надо сначала найти).

Справедливости ради надо отметить, что и взрослым иногда удается сделать открытие — по закону абсурда. Один из них — Ученый придумал замечательную игру в

шашки: «Белые шашки ходят только по белым клеткам, а черные — только по черным. Они никогда не сталкиваются». Никто никогда не проиграет. Невольно вспоминается песня В. Высоцкого об «общеприимящем беге на месте». Другое открытие этого же Ученого — порошковая сухая вода. Как удобно: «Отправляешься, например, в пустыню... не нужно никаких бочек». Вот, правда, чем разводить порошок, Ученый пока не придумал. Как и Тим в случае с пружинным мотором или складной лодкой, он разрешил лишь первую часть проблемы — теперь раздумывает над следующей.

Антон Петрович, Учитель Вранья, устраивает экзамен и Ученому, и Тиму, «чтобы выяснить, кто умнее: как дать отдых уставшим от дороги ногам?».

Ученый предлагает идти на руках. Но тогда, размышляет Антон Петрович, придется идти затылком вперед, не видя ни ям, ни деревьев. Тим предлагает куда более эффективный способ: «Прыгать по очереди то на одной ноге, то на другой. Пока на одной прыгаешь, другая отдыхает». Естественно, победа присуждается Тиму. А на вопрос, на что похожа морковь, Ученый вообще не смог ответить, а Тим тут же сообразил: «На нос Снеговика» (чисто детская путаница причины и следствия).

На протяжении всей сказки герои постоянно решают насыщенные иронией, абсурдные задачи. Естественно, победителями становятся дети. «До чего скучно бывает с некоторыми взрослыми», — вздыхает Учитель Вранья. Подобная переключка с «Маленьким принцем» Антуана де Сент-Экзюпери не единожды звучит на страницах сказки М. Харитонова.

В книге «Алиса в стране чудес», как известно, разыгрываются некоторые законы математической логики. Например, обратные положения: «Я дышу, пока сплю» и «Я сплю, пока дышу». А персонажи «Учителя Вранья» с удивлением решают математическую задачу, в которой, какое число ни задумаешь, в результате все равно будет пять. Математики-то знают, что эта занимательная задачка построена на формуле

$$(n + n) \frac{3}{n} - 1 = 5,$$

где n — любое число.

Формула в книжке для детей (как и у Кэрролла) не приводится, но сами по себе вычисления превращаются в занимательную игру.

Логические построения в духе Кэрролла мы встречаем на протяжении всей сказки Марка Харитоновна. Некая тетушка Дирекция исполняет желания. Самый простой и самый приятный способ исполнить желание, сообщает она, когда желаешь то, что можешь получить, «что наверняка возможно». И когда собеседник ее на вопрос: «А вы бы чего хотели?» — отвечает: «Ничего», тетушка Дирекция тут же выполняет его желание и подает пустой кулек. Теперь это «ничего» можно потерять, можно выбросить, а оно — ничего — все равно останется.

В приведенных в сказке сочинениях учеников Школы Вранья логические обоснования некоторых явлений доведены до абсурда. Если температура тела Снежной Королевы была минус 140 градусов, то она могла загорать под северным сиянием. Когда на холодный огонь ставили кастрюлю с водой, она превращалась в лед. Сваренные вкрутую яйца при очень сильном холоде вновь становились сырыми. Предлагаемые действия даются здесь заведомо с противоположным знаком, потому и результаты логической игры оказываются столь удивительными, но подчас вполне естественными — доведенными до логического конца: одна девочка так удачно спряталась, играя в прятки, что ее никак не могли найти — и она потерялась.

Приведем еще «глубокомысленные» рассуждения того персонажа, который именуется Ученый: «Допустим, я вышел на улицу без очков и простудился... Из этого следует, что очки предохраняют от простуды».

Всем известно, что дети очень часто, пытаясь объяснить взаимосвязь и взаимозависимость между явлениями, путают причину и следствие. Горьковский Воробышко, герой одноименной сказки, считает, что ветер возникает оттого, что качаются деревья. Мы уже приводили пример такой путаницы, когда Тим сравнивал морковку с носом Снеговика. Как видим, у Марка Харитоновна эта черта детской психологии преподносится как пародия, которую легко воспри-

нимают даже самые юные читатели. Вот, например, размышления сестренки Тима — Таськи: «Профессор больше всех знает потому, что ему на... экзамене каждый что-нибудь рассказывает».

Коль уж мы заговорили о взаимоотношениях между причиной и следствием, то нельзя не вспомнить «страшную историю» о девочке, которая не хотела есть. В результате она так похудела, что стала почти невесомой: «И однажды стала подниматься в воздух, как воздушный шар». Странное дело: дети с плохим аппетитом, которых пугали этой историей, не только не плакали — нет, они совсем перестали есть, чтобы тоже подняться в воздух.

Наверное, многие педагоги вспомнят реальные случаи такого рода «наоборотной педагогики».

Появляется в сказке Марка Харитоновна и «классическое» проявление формальной логики, софизм: «Если врун скажет: «Я всегда вру» — это будет правда? А если он не всегда врет, значит, он врет, что всегда врет?» Тут невольно вспоминается популярная сказка итальянского писателя Джанни Родари «Джелсомино в стране лжецов». В стране лжецов, где правда пресекается как тяжкое преступление, некий Калимер просит у начальника жандармов вознаграждение за доносы, в которых, уверяет Калимер, чистейшая правда. Но тогда он преступник по законам этой страны. Да нет же, оправдывается Калимер, он «друг лжи». И далее:

«— Разве правда, что вы друг лжи?

— Правда! Сушая правда! Клянусь вам.

— Вот вы и снова попались...»

Надо сказать, что переключки с популярными произведениями детской литературы нередкое явление в книжке Харитоновна. Мы уже вспоминали переключки с Антуаном де Сент-Экзюпери. Чаще всего такие переключки приобретают комический оттенок. Все помнят, как братец Иванушка, несмотря на предостережения сестрицы Аленушки, напился из козьего копытца — и козленочком стал. Путешествие Тима и Таськи происходит в наши дни, в XXI в., посему водицу Таська обнаружила не в коровьем, лошадином или козьем копытце, а в следе от машины. Не

пей, предупреждают ее, автомобильчиком станешь.

А когда Тиму приходится выбирать из 12 одинаковых Тасек одну — любимую сестренку, конечно же вспоминаешь эпизод из фольклорной сказки о царе Берендее, известной юным читателям, главным образом, по стихотворному варианту, созданному В.А. Жуковским, — эпизод о том, как Иван-царевич из 30 прекрасных царевен узнал Марью-царевну. «Неужели не читал?» — спрашивает Учитель Вранья Тима, но названия сказки не приводит. Самое интересное: Тим отыскал сестренку не по каким-то внешним признакам (мошка на правой щеке — у Жуковского), а только благодаря своему внутреннему ощущению — ощущению родственной души. Однако Марк Харитонов и здесь не может обойтись без иронии: неужели Тиму придется делиться конфетами и игрушками не с одной, а с 12 сестрами? Но тут же ирония «снимается»: «Он готов был отдать Таське все, что она захочет... только бы с ним оставалась одна, та самая, настоящая».

Уже упоминавшийся нами Ученый размышляет, что если кометы показываются не там, где их ждут, то ошиблись конечно же не ученые, рассчитавшие их появление («ведь все рассчитано заранее, по науке»), а сами кометы. Здесь можно уловить переключку с Джонатаном Свифтом, с его убийственной сатирой над учеными лапутянами. Снимая мерку для костюма Гулливера, портной пользуется квадрантом, линейкой и циркулем, старательно вычисляет на бумаге размеры и очертания Гулливерова тела. А в результате костюм оказался сшит совсем не по его фигуре. Кто виноват? Наука?

Как-то раз Тиму с Таськой, как и персонажам сериала Памелы Трэверс о Мэри Поппинс, приснился один и тот же сон. Но героям харитоновской сказки «вначале-то... снилось разное, а потом сны их встретились». И закончились их сны не одновременно, как у Майкла и Джейн; Таська еще и после Тима оставалась во сне, «немного дальше посмотрела».

Когда же мы узнаем, что петух у Марка Харитопова кричал не «кукареку», а «кукарача» («как будто по-иностранному»), вспоминаем произведение одного из са-

мых ярких детских писателей последних лет — Юрия Ковалея (между прочим, однокурсника Марка Харитопова по пединституту). Один из героев его повести «Недопесок» «так храпел, будто выговаривал фамилию знаменитого немецкого философа: «Фейерр-бах! Фейерр-бах!».

Переключки с произведениями фольклора... Переключки с произведениями русских и зарубежных писателей... Чаше всего это переключки с кэрролловскими «Алисой в стране чудес» и «Алисой в Зазеркалье». Как уже говорилось, разнообразные логические игры, основанные на формальной логике, доведенной то до логического конца, то попросту до абсурда (или одновременно до логического конца и до абсурда), во многом переключаются с подобными же логическими играми Кэрролла. С Кэрроллом роднят «Учителя Вранья» и лингвистические игры. Это и игры с полисемией и омонимией, и с фразеологическими оборотами, и с морфемным строением слов (парадоксальная этимология), и анаграммы, и окказионализмы (индивидуально-авторские неологизмы). Лингвистические игры пронизывают буквально всю сказочную повесть Марка Харитопова, рассмотреть их все нет никакой возможности. Выберем лишь некоторые из них.

Вот, например, образчик игры с полисемией (многозначностью слова). Один из персонажей порезал палец... соусом. Каким образом? Соус был очень *острый*. И тут же выясняется, что бывают острые языки, острая боль, острый ум... «На свете много острого», — подытоживает свою мысль Учитель Вранья.

А другой персонаж — Стражник, вооруженный длинной палкой с пучком свежей крапивы, обращается к мальчику *ледяным* голосом — и под его длинным носом образуется маленькая сосулька. Переносное значение слова, превращаясь в прямое, можно сказать, материализуется.

А знаете ли вы, кого называют *врачами*? Тех, у кого специальное образование по вранью. А *виртуозом*? Того, кто все время вертится «на стуле или на парте». Если подземный ход разделится надвое, он *раздвоится*. А если натрое? *Расстроится*? Но ведь в этом глаголе — см. любой словарь! — долж-

но быть удвоенное «с». Подобный «морфемный анализ» (парадоксальная этимология) конечно же очень полезен для детей: они-то знают подлинное значение слов, а «всякое отступление от нормы сильнее укрепляет ребенка в норме, и он еще выше оценивает свою твердую ориентацию в мире»¹.

По законам такого «морфемного анализа», парадоксальной этимологии строятся у Марка Харитонов, как и у многих детских писателей, окказионализмы. Таська утверждает, что за Мокрым морем (обратим заодно внимание на это словосочетание, заимствованное из популярного присловья о том, что вода в реке мокрая) живут *заморцы*. Бойцового гуся, который мог бы заменить сторожевую собаку, водили на поводке с *наклювником*. Некий мальчик по имени Я (потом выяснится, что это Учитель Вранья в детстве) запоминает, сколько ему лет, но каждые полгода его возраст меняется и приходится *перезапоминать*. Двух близнецов зовут двойняшками. А 12 Тасек? *Двенадцатиняшками*. Если можно плавать дельфином или как собачка, то можно, наверное, плавать *кроликом* (так Таська «корректирует» термин кроль) или *барсом*. Здесь мы видим уже игру в перестановку звуков, называемую игрой в анаграммы: *брасс* — *барс*.

В произведениях детской литературы анаграмматическая игра часто основывается на взаимной перестановке звуков в двух словах: *вокзайи трамвал* у С.Я. Маршака, *стратостат* и *старостату* Агнии Барто, *Малуся* и *Рогопед* у Андрея Усачева. На подобных перестановках звуков основана программная сказка итальянской писательницы Флорианы Босси «Король беспорядка» (см.: Начальная школа. 2012. № 1). У Марка Харитонов Ученый, удивленный тем, что вместо кометы, которая, по его расчетам, «должна была упасть в половине двенадцатого июня», на Астрономической поляне оказался Тим, воскликнул: «Хоть пой, хоть стадай!» Хотел-то он произнести известный фразеологизм: «Хоть стой, хоть падай!»

Чего только не происходит с фразеологизмами в сказке Марка Харитонов!

Самый частый прием использования фразеологизма в произведениях для детей — возвращение первоначального смысла его компонентам. «Как ты сюда попал? С неба (в каноническом фразеологическом обороте чаще говорят: с луны. — Л.З.) свалился?» — спрашивает Антон Петрович у Тима. «Нет, с лестницы», — отвечает Тим.

Наверное, не менее частый прием — материализация заложенной во фразеологическом обороте метафоры. «От скуки мухи дохнут». Кому не известна эта поговорка? Тим и Таська Скукой Зеленой называют свою двоюродную или, кажется, троюродную сестру, которая приехала в Москву поступать в институт и сейчас на даче готовится к экзаменам. В один из дней «она, как всегда, читала, лежа у себя в комнате, и вокруг валялись сдохшие от скуки мухи».

Дети иногда заменяют какой-то компонент фразеологизма, исходя из своих — детских — ценностных ориентаций. И вот вместо «хлебом не корми» автор пишет о Таське: «Ее мороженым не корми, только дай поспорить». Ясно же, что мороженое Таська больше любит, чем хлеб. Персонаж одной из повестей о Муми-троллях и их друзьях популярнейшей у нас скандинавской писательницы Туве Янссон в стра-а-шной клятве о сохранении тайны в один ценностный ряд включает такие наказания клятвотступнику: «Пусть бездна поглотит меня. Пусть грифы склюют мои высохшие кости, пусть мне никогда больше не попробовать мороженого...» (цит. по переводу Н. Беляковой).

Острым соусом (у нас о нем уже шла речь) порезался некий человек, который когда-то был музыкальным клоуном, играл на всех инструментах и даже без инструментов. А из глаз у него двумя потоками брызгали слезы (не редкий, как известно, клоунский цирковой аттракцион). Но теперь выяснилось, что «слезы — вещества полезные», и, чтобы они не пропадали, человек этот стал работать Фонтаном. Так его теперь и зовут: Фонтан. Фонтан слышит, как поет лес, как поют цветы, камни, травы, ветер — всё звучит в Потоке времени, в том потоке, в котором «все умеют плавать». Так

¹ Чуковский К.И. От двух до пяти // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 289.

традиционная метафора, характерная для фразеологических оборотов, превращается в поэтическую сказку. Но даже тогда, когда в повествование включается высокая поэзия, остается место для ироничной словесной игры. Коли расстояния при подъеме можно мерить в маршах (лестничные марши, например), то их стоит измерять, объясняет Фонтан, и в вальсах, и в чижиках-пыжиках, и даже, добавляет один из его спутников на пути к Потоку времени, в колыбельных — когда «можно спать на ходу».

Вслед за Льюисом Кэрроллом Марк Харитонов направляет своих героев (и читателей) в Зазеркалье, по ту сторону зеркала. У писателя целая система зеркал. Есть Справочное зеркало, в него посмотришь — и «сразу увидишь, кого тебе нужно!». Есть такое Зеркало, «в котором каждый себе нравится», а есть такое, «что посмотришь — и увидишь себя в любом наряде». Есть Зеркало, которое ничего не изображает: кто посмотрелся в него, исчезает, «ушли, наверно, — разъясняет Таське кот по кличке Брысь, — за ту сторону зеркала, где их не видно». Вбежишь в иное Зеркало — превратишься неизвестно в кого. А Множительное зеркало тут же размножает того, кто в него проник. Оно-то и превратило Таську в 12 близняшек. Из любого зеркала можно вернуться обратно, но это непросто.

Жил-был такой жадный мальчик, который постоянно получал подарки и... только копил их. Конфеты, яблоки и даже мороженое не ел — копил. Воздушные шарики не надувал — копил. Состарился, а все только сторожит свои сокровища. Игрушек накопилось больше, чем в любом магазине, и все чистенькие, аккуратные, «потому что ими никто не играл». В конце концов, с помощью Зеркала он превратился в копилочного поросенка. И вот уже, теперь благодаря Множительному зеркалу, по Зеркальному залу бегают множество копий копилочных поросят. Зачем их столько? Чтобы купить новые копилки.

Абсурд? Безусловно. Но и острый сатирический образ, допускающий различные расшифровки.

И уж если говорить о сатирическом начале в «Учителе Вранья», то следует упомянуть королевскую династию Пузырей. Ге-

роев сказки встречает Пузырь Двести Восемнадцатый. Он пытается очень осторожно раздуться, чтобы не повторить судьбы своих предшественников. Правление каждого из них кончалось тем, что они... лопались. Кто от гордости, кто от зависти, кто от восторга или даже от простого насморка. А Пузырь Двести Восемнадцатый прививки сделал от всех болезней: от хвастовства, от волнения, от сержения, нет, сердения (как образовать отвлеченное существительное от глагола *сердиться*?). Вот только от удивления ему забыли сделать прививку.

И естественно, оказавшись в удивительном фантастическом мире, созданном Учителем Вранья (в содружестве с писателем Марком Харитоновым), он «лопнул и исчез без следа». А корона, говорят, «пробила потолок, взлетела к самому Солнцу, да там и осталась». Ученые до сих пор спорят, объясняет Антон Петрович, откуда взялась у Солнца корона, которую они увидели в телескоп.

Враньем называет Фонтан рассказ Пузыря Двести Восемнадцатого о восхождении на престол его далекого предка Пузыря Первого. «Это раньше было вранье... — утверждает Пузырь Двести Восемнадцатый. — Теперь это называется история». Утверждение это, наверно, обращено к читателям более старшего возраста, чем указано в издательской аннотации. Как и любое значительное явление детской литературы, «Учитель Вранья» интересен и взрослым.

Нелегкое чтение предлагает писатель Марк Харитонов юным читателям. Но очень увлекательное и очень полезное, в полном смысле слова развивающее.

Примечание. Справедливости ради следует сказать, что «Учитель Вранья» в 2003 г. появился во «взрослом» издательстве НЛО. В 2012 г. четыре маленьких (очень маленьких) фрагмента были включены в одно из альтернативных пособий для начальной школы (УМК «Начальная школа XXI в.») — *Иванов С.В., Евдокимова А.О., Кузнецова М.И.* Русский язык. I класс (М.: Вентана-граф, 2012). Но только с публикацией в детском издательстве «Махаон» повесть приобретает *своего* читателя — учащихся начальной школы.